

Лидия Окольская

ОТ ШКОЛЫ К ФАБРИКЕ

Willis P.E. Learning to labour: How working class kids get working class jobs. Farnborough, England: Saxon House, 1977 (Пол Уиллис. Приобщение к трудовой культуре: Как дети рабочих становятся рабочими)*.

Книга британского социолога Пола Уиллиса является образцовым исследованием в рамках *новой социологии образования*, сформировавшейся в западной науке в 60–70-е гг. Это направление развивает *концепцию социального воспроизводства*, исследуя, каким образом классовая структура общества сохраняется и воссоздается из поколения в поколение, и какую роль в этом играет школа. В отличие от общепринятого представления о том, что школа уравнивает жизненные шансы людей, дает всем равную возможность продвижения по социальной лестнице, представители этого направления утверждают, что образовательная система служит для сохранения неравенства в обществе.

В рамках новой социологии образования существуют два течения, опирающиеся на различные концепции социального воспроизводства. Детерминистская, или структуралистская, модель предполагает, что люди вынуждены следовать ролям, навязанным классовой и экономической структурой общества. Приверженцы этой модели, среди которых можно назвать такие известные имена, как С. Баулс и Г. Гинтис, П. Бурдые и Ж-К. Пассерон, занимаются изучением механизма этой структуры и тех практик, что позволяют ей воспроизводиться. Культурологическая, или субъективистская модель предполагает относительную автономию индивидов, их способность сопротивляться системе. Она раскрывает субъективные смыслы, которые люди вкладывают в свою повседневную деятельность в рамках системы¹. В исследовании П. Уиллиса делается попытка совместить эти два полюса; однако его подход тяготеет скорее ко второму из них². Главный вопрос, на который пытается ответить автор, — почему дети рабочих соглашаются выполнять малоквалифицированную, неинтересную работу, поставить крест на своем профессиональном развитии и разделить судьбу родителей.

Книга знакомит читателей с результатами этнографического исследования, объектом которого была небольшая группа английских подростков «рабочего» происхождения, негативно настроенных по отношению к школе, — «хулиганов и двоечников». Исследование проводилось в небольшом промышленном городке в центральной Англии. Для изучения была выбрана так называемая современная средняя школа (*modern school*), программа которой, в отличие от грамматической школы (*grammar school*), содержала минимум академических дисциплин и была ориентирована на практические, технические знания и навыки³. В этой школе учились только мальчики.

Включенное наблюдение продолжалось около трех лет, с 1972 по 1975 год, захватывая

---

* Благодарим проф. Robert Brym, профессора факультета социологии Университета Торонто (Канада), обратившего наше внимание на эту книгу и рекомендовавшего сделать ее обзор.

¹ Данная типология предложена Дж. Маклеодом. См.: Macleod J. Ain't no making it: Aspirations and attainment in a low-income neighborhood / 2nd ed. Boulder (Colorado), Oxford: Westview Press, 2004. P. 11.

² Hammack F.M. Рецензия на: Willis P.E. Learning to labour: How working class kids get working class jobs. Farnborough, England: Saxon House, 1977 // American Journal of Education. 1980. Vol. 88. No. 4. P. 510–518.

³ Разделение современных и грамматических школ в Великобритании во многом сходно с российской дореволюционной системой реальных училищ и классических гимназий. Во второй половине XX века дифференциация среднего образования подверглась резкой критике, в результате чего возникли единые, комплексные школы (*comprehensive school*) совмещающие академические знания с практической

последние два – два с половиной года обучения в школе и первые 6–12 месяцев взрослой, трудовой жизни юношей. Автор проводил групповые дискуссии и индивидуальные интервью с двенадцатью неконформистами, беседовал с их родителями и учителями, а также с учащимися других школ и с подростками, имеющими позитивные установки по отношению к учебе. Интерпретация молодыми людьми повседневной школьной жизни, их представления о будущей работе, видение ситуации другими действующими лицами анализируются в первой части книги. Во второй части этнографические результаты подвергаются теоретическому обобщению. Здесь Уиллис описывает взаимодействие неформальной молодежной культуры, официальной идеологии и социальной структуры.

Основная цель исследования состояла в изучении причин, по которым молодые люди занимают самые невыгодные, проигрышные позиции на рынке труда, и способов примирения с таким подчиненным положением (которое, казалось бы, должно сильно уязвлять их самолюбие). Уиллис считает, что именно специфическая культура детей «рабочего» происхождения подготавливает их к физическому, малоквалифицированному труду. Такая, казалось бы, непривлекательная карьера переживается самими подростками не как жизненное поражение или самоуничтожение, но как познание «настоящей» жизни, в котором имеются элементы самоутверждения и сопротивления официальному порядку⁴.

Рассуждая о специфической молодежной культуре, Уиллис имеет в виду не всех подростков, но лишь тех из них, которые противопоставляют себя школе, сознательно нарушая принятые в ней нормы. Такие «парни» (*“the lads”*), хотя и находятся в меньшинстве, являются обязательной компонентой школьного сообщества. Они не соблюдают дисциплину в классе, грубят учителям, намеренно дразнят их или выводят из себя, прогуливают занятия и иногда ухитряются провести целую четверть, не сдав ни одной письменной работы. Одна из основных черт антишкольной субкультуры, которую они представляют, — это противостояние авторитету учителей и власти как таковой. Категорическое неприятие превосходства учителей выливается в инверсию официальных школьных ценностей, таких как прилежание и уважение к взрослым. «Парни» презируют своих одноклассников за то, что те послушно выполняют указания учителей и почтительно внимают их словам. Пассивных мальчиков награждают неблагозвучными прозвищами и всячески высмеивают.

Неконформисты сознают, что школа ограничивает свободу и пытается заставить их выполнять работу, в которой они лично не заинтересованы. В отличие от «хороших мальчиков», они не считают, что время нужно использовать для получения знаний, и не желают ограничивать свою активность в обмен на квалификацию. Основной целью использования времени становится поддержание своего статуса в неформальной группе сверстников, которая имеет очень высокую ценность в глазах «парней».

Таким образом, антишкольная субкультура отрицает фундаментальный принцип протестантской этики, гласящий, что «время – деньги». Это весьма важный момент, так как, по сути, неприятие распорядка и рационального учета времени означает неприятие индустриального порядка в целом. Социальные историки, такие как Е. П. Томпсон, давно показали, что модернизация Европы включала распространение ценностей и норм, не свойственных традиционным, аграрным обществам — пунктуальности, строгого распорядка дня⁵. Главными инструментами индоктринации были фабрики и — как легко угадать! — школы⁶. Однако исследование Уиллиса показывает, что даже несколько столетий спустя «индустриальное» восприятие времени не стало всеобщим. По-видимому, иные представления о способах использования времени сохраняются не только в узкой группе школьников, но отчасти и среди рабочих.

Еще одним свидетельством традиционалистских корней антишкольной культуры служит отмеченная Уиллисом ценность смеха, шуток и развлечений. «Парни» придают юмору необычайно большое значение, считая, что с его помощью можно справиться с любой жизненной ситуацией, и что

профессиональной подготовкой. Подробнее об английском среднем образовании см. Лоскутова М. Школьные реформы в Англии // Неприкосновенный запас. 2001. № 5 (19).

⁴ Willis P. Op. cit. P. 3.

⁵ Thompson E.P. Time, work discipline, and industrial capitalism // Past and Present. 1967. No. 38. P. 56–97.

⁶ Об усилении режима и дисциплины в школе см. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с англ. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 176–178.

этот ценный дар нужно использовать как можно чаще⁷. Чувство превосходства над «отличниками» основывается еще и на том,

что «парни» могут заставить их смеяться, а те не способны придумать ответный каламбур. Установка на юмор очень близка праздничной культуре, которая была широко распространена в доиндустриальный период, а в настоящее время почти исчезла. В Средние века коллективные игры, пение и танцы были элементом повседневной жизни всех возрастных групп, а впоследствии стали занятиями для детей и подростков. Как писал французский историк Ф. Арьес, «детство становится хранителем обычаев и обрядов, позабытых взрослыми»⁸.

В современных обществах ценность игры, шуток и коллективных развлечений наиболее высока для младших возрастных групп. Именно поэтому молодежными кумирами зачастую становятся певцы, музыканты, актеры — т.е. люди, чья профессиональная деятельность, в сущности, является игровой. Поклонение поющим и танцующим кумирам можно рассматривать как бегство от скуки школьного и трудового мира. Распространение среди юношества ролевых игр, воссоздающих обстановку сказочных миров Дж. Р. Р. Толкина и других писателей-фантастов, тоже является своеобразной попыткой преодолеть рутину повседневной жизни⁹.

Продолжая анализ оппозиционной субкультуры, Уиллис отмечает стремление ее носителей максимально отличаться от стереотипов, одобряемых школой, и подражать миру взрослых (отнюдь не учителей!). Юные нонконформисты носят вызывающие, с официальной точки зрения, одежду и прически, курят и употребляют спиртные напитки. «Парни» приобретают сексуальный опыт раньше, чем большинство сверстников, что служит еще одним поводом для гордости. Они готовы участвовать в насилии, нарушать закон или общественный порядок: драки, мелкое воровство и хулиганство являются мощными способами утверждения своей мужественности и торжества над официальным устройством взрослого мира. Уиллис показывает, что антишкольная культура обладает многочисленными признаками «мужского шовинизма». Российские исследования подтверждают, что сексизм является типической чертой оппозиционных субкультур¹⁰. Это во многом обусловлено патриархальностью рабочих семей, из которых происходили подростки. Возможно, в Великобритании 70-х гг. данный эффект усиливало и раздельное обучение в школе.

Свобода, независимость и развлечения, столь высоко ценимые подростками, требуют денег, и потому многие «парни» еще до окончания школы начинают подрабатывать. Чтобы иметь возможность посещать бары, кинотеатры и дискотеки, покупать модную одежду и пр., «парни» устраиваются на малоквалифицированную работу и нередко имеют довольно высокие (для своего возраста) заработки. Причастность к миру физического труда, возможность получить «живые» деньги здесь и сейчас окончательно убеждают подростков в том, что образование не имеет никакого смысла, что их примерные одноклассники и даже учителя, прошедшие всю жизнь в колледжах, не знают «истинного» устройства жизни¹¹.

По мнению Уиллиса, существует глубокое сходство антишкольной и фабричной (*workshop*) культур, и именно из-за этого подобия оппозиционно настроенные школьники с такой легкостью становятся рабочими.

Рабочая культура обладает многими чертами, сходными с культурой юных нонконформистов. Во-первых, работа на фабрике требует физической силы и выносливости — качеств «настоящего мужчины», которые высоко ценят и «парни». Во-вторых, фабричная культура относится к теории и чистому знанию с таким же пренебрежением, с каким «парни» относятся к школьным занятиям. И рабочие, и школьники-нонконформисты ценят в труде его практическую значимость. Так, рабочие любят рассказывать анекдоты про идиотизм теоретиков, которые не в состоянии осилить простейшую техническую задачу — например, не могут открыть контейнер, где лежит нужный чертеж. В-третьих, трудовые отношения на заводе включают такую же борьбу за неформальный контроль над процессом труда, какую ведут школьники, уклоняясь от уроков и правил поведения в классе. Рабочие могут ограничивать объем выработки, замедлять темп своей деятельности и, как правило, между ними имеется неформальное соглашение о соблюдении норм, удобных для всего коллектива. Рабочие, как и школьники, гордятся тем, что «на самом деле» именно они являются хозяевами ситуации, что

---

⁷ Willis P. Op. cit. P. 29.

⁸ Арьес Ф. Указ. соч. С. 80.

⁹ Луков В.А. Социология молодежи. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 79–87.

¹⁰ Гаврилюк В.В. Социология молодежи. Маскулинность в социализации городских подростков // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 98–104.

¹¹ Willis P. Op. cit. P. 39.

руководство в чем-то зависит от них. В-четвертых, для людей, работающих в цеху, большое значение имеет общение с сотоварищами, которое включает острые и даже злые шутки, демонстрацию маскулинности и дискредитацию руководства. Все эти практики хорошо известны подросткам, и потому мир фабричного труда оказывается для них вполне знакомым и понятным.

О близком подобии образовательного учреждения и производственной корпорации писали и до работы Уиллиса. Сэмюэл Баулс и Герберт Гинтис даже анализировали изоморфизм школы и завода, обеспечивающий воспроизводство социальной иерархии:

«В организации управления видна четкая вертикаль, повторяющая иерархическое разделение труда на фабрике: администрация руководит преподавательским составом и, через него, студентами. Студенты влияют на содержание своей учебной программы не в большей мере, чем рабочие на содержание своих производственных задач. Система мотиваций, опирающаяся скорее на оценки и другие внешние поощрения, а также на угрозу отчисления, чем на собственно социальные преимущества, которые дает образовательный процесс (обучение) или его возможный результат (знания), в точности соответствует той роли, какую в мотивации рабочих играет заработная плата и угроза потерять место»¹².

Уиллис уточняет, что школа и завод имеют сходную *официальную идеологию*, но в *неформальном, культурном* отношении рабочие ближе к молодым нонконформистам, чем к лояльным «отличникам». Действие принципа соответствия обосновывается Баулсом и Гинтисом весьма убедительно; их концепция оказала существенное влияние на развитие социологической мысли в данной области. Однако она не объясняет находок Уиллиса. Как одна и та же образовательная система может производить две противоположные культурные ориентации в группе лиц примерно одинакового социального происхождения?¹³

Уиллис тоже не дает ответа на этот вопрос, хотя возникновение оппозиционной культуры описывается им в динамике и весьма подробно. Он отмечает, что в первые годы обучения в средней школе все дети разделяют официальную школьную парадигму. Даже имея не вполне позитивный опыт общения с учительским персоналом, они никак не выражают своих оценок происходящего. Уиллис объясняет это, в частности, разобщенностью детей, отсутствием неформальной группы единомышленников, необходимой для противостояния взрослым. После двух или трех лет отношение некоторых учеников к школе изменяется к худшему, и соответственно меняется их поведение. Педагоги объясняют это «дурным влиянием» или индивидуальной патологией подростка, не делая обобщений. Уиллис же определяет данный феномен как особый процесс, в котором типичные отношения «учитель — ученик», ожидаемые в формальной институциональной парадигме, отбрасываются и получают новую интерпретацию, соответствующую интересам и представлениям рабочего класса об устройстве социального мира. Этот процесс автор называет *дифференциацией*¹⁴.

Ключевой обмен, на котором основано школьное обучение — это обмен знаний учителя на подчинение и уважение учеников. Впоследствии знания должны превратиться в квалификацию, квалификация — в соответствующую должность, за которую хорошо платят и которая дает возможность приобретать товары и услуги. Получается, что учителя открывают перед учениками путь к материальному благополучию, и именно в этом заключается их моральное превосходство.

В ходе дифференциации превосходство учителя отрицается, поскольку отрицается полезность тех знаний, которые он дает. Можно было бы предположить, что часть детей просто не в состоянии усваивать знания в классе и потому отказывается прилагать усилия в этом направлении. Данное объяснение вполне укладывается в социолингвистическую концепцию Бэйсила Бернстайна, согласно которой успеваемость ребенка зависит от уровня когнитивного и речевого развития его семьи. Средний класс, по мнению Бернстайна, владеет расширенным культурным кодом (*elaborated code*). Этот код заключается в способности обобщать и классифицировать информацию, рассуждать о явлениях и событиях, возвышаясь над конкретным контекстом, в котором индивид с ними столкнулся. Рабочий класс в основном использует ограниченный код (*restricted code*), привязывая значения высказываний к частным обстоятельствам, так что человеку, незнакомому с ними, бывает трудно понять, о чем идет речь. Обучение в школе основано на использовании расширенного кода, поэтому

¹² Bowles S., Gintis H. *Schooling in capitalist America*. N.Y.: Basic Books, 1976. P. 11–12.

¹³ Macleod J. *Op. cit.* P. 22.

¹⁴ Willis P. *Op. cit.* P. 62–63.

дети, происходящие из среднего класса, легче усваивают информацию, чем дети рабочих, и этим обусловлена их более высокая успеваемость¹⁵.

Однако Уиллис показывает, что причина обесценивания школьного знания заключается не в неспособности его постижения (или не только в ней). Некоторые из наблюдаемых им подростков оказались довольно талантливыми и могли бы успевать по учебе, если бы захотели. Автор считает, что неприятие официальной парадигмы имеет классовую подоплеку и происходит не в последнюю очередь благодаря знакомству детей с рабочей культурой, ее языком и интерпретациями окружающей действительности. Подростки интуитивно предвидят, что школьные знания и навыки мало помогут им в продвижении по социальной лестнице, и что преимущества их обладателей весьма сомнительны. Кроме того, умственный труд представляется им совсем не мужским, «не настоящим» делом (не зря отличники и интеллектуалы изображаются в массовой культуре в виде хилых очкариков)¹⁶.

Следствием обесценивания школьного знания становится падение авторитета учителей и изменение поведения подростков по отношению к ним. «Парни» начинают грубить педагогам, пытаются их скомпрометировать, выставить в смешном свете в глазах класса и своих единомышленников. Целью посещения школы становится поиск развлечений и партизанская война с учителями. Лишенные возможности использовать насильственные методы, педагоги оказываются почти беззащитными перед хулиганскими выходками буйного меньшинства. Они безуспешно пытаются дискредитировать контр-культуру «парней», иронизируя насчет их умственных способностей и внушая, что они не смогут преуспеть в жизни, если не изменят отношение к школе.

Любопытное открытие, сделанное Уиллисом по наблюдениям на уроках профессионального самоопределения, заключается в безразличии нонконформистов к содержанию будущей работы. Они внутренне подготавливают себя к миру физического труда, но выбор той или иной работы для них имеет малое значение. Причина этого странного равнодушия заключается в том, что «парни» не ожидают удовлетворения от содержания труда и намерены искать его в другом — в общении с товарищами, во внерабочей деятельности. Таким образом, их установка по отношению к труду заведомо инструментальна.

Большинство конформных подростков, разделяющих официальную парадигму, напротив, стремятся овладеть знаниями и навыками, имеют высокие карьерные ожидания и надеются, что работа будет приносить им удовольствие. Переход из школы к трудовой жизни дается им тяжелее, чем «парням», поскольку культура рабочего класса оказывается чуждой и даже враждебной, а содержание труда в основном неинтересно. Они как будто попадают в новую большую школу, где двоечники и хулиганы составляют большинство и постоянно проверяют их «на прочность». Неудивительно, что в такой ситуации «отличники» чувствуют себя неудобно. Завышенные ожидания относительно содержания труда приводят к серьезному разочарованию, и идеалистичные конформисты чувствуют себя по-настоящему несчастными. Уиллис отмечает, что подавленное состояние «примерных мальчиков» делает их утомительными в общении, и потому в сфере полуквалифицированного труда руководство зачастую предпочитает иметь дело с «парнями»¹⁷.

Последние, заранее составив более адекватный образ работы, минимизируют психологический дискомфорт. Они легче устанавливают дружеские отношения с коллективом, хотя даже им порой приходится несладко от брутальных шуток, с помощью которых принято испытывать новичков в цехе. Встретившись со своими информантами через полгода–год после выпуска из школы, Уиллис обнаружил, что, хотя первый трудовой опыт не стал для них травмой, молодые рабочие начинают осознавать преимущества образования и потенциал социальной мобильности, который оно дает человеку. Однако они считают, что уже поздно что-либо менять в жизни и, в целом, не чувствуют себя несчастными. Гордость своими доходами, практическая направленность и «крутизна» труда, радости общения в неформальной группе делают их психологическое самочувствие вполне сносным.

Исследование Уиллиса показывает, что усилия школьных конформистов пропадают даром: многие «примерные мальчики» и «парни» в первый год после выпуска занимают рабочие позиции, весьма сходные по уровню квалификации. Это кажется парадоксальным, ведь «отличники» высоко ценят умственный труд, а нонконформисты ненавидят дисциплину, однако и те, и другие оказываются на заводе, сочетающем худшие качества для обеих групп. Правда, следует учитывать, что все юноши

¹⁵ Sadovnik A.R. Basil Bernstein's theory of pedagogic practice: A structuralist approach // *Sociology of Education*. 1991. Vol. 64. No. 1. P. 48–63; Bernstein B. Language and social class // *The British Journal of Sociology*. 1960. Vol. 11. No. 3. P. 271–276; Bernstein B. Elaborated and restricted codes: Their social origins and some consequences // *American Anthropologist*. 1964. Vol. 66. No. 6. Part 2. P. 55–69.

¹⁶ Willis P. *Op. cit.* P. 126–130, 145–147.

¹⁷ *Ibid.* P. 110.

— участники исследования — были выходцами из рабочих семей. Школа же, которую они заканчивали, относилась к числу технически, а не академически ориентированных заведений. Следовательно, влияние социального происхождения и типа образования в данном случае перевесило вклад личных установок в осуществление социальной мобильности (по крайней мере, на начальном этапе).

Фаталистические взгляды автора на проблему мобильности вызывают вопрос: зачем изучать оппозиционную субкультуру и доминирующую парадигму, если социальный результат их действия одинаков? Ответ Уиллиса предположительно был бы следующим: устойчивость капиталистической социальной структуры обеспечивается не только *победой* идеологии, но и тем, что можно назвать ее *поражением* — существованием субкультур, понимающих отношения неравенства и жизненный успех совершенно иначе. Ключевую роль здесь играет культура рабочего класса, которая, возможно, подверглась бы размыванию без постоянной подпитки со стороны оппозиционной молодежной субкультуры. Именно поэтому в теоретической части своей книги Уиллис рассматривает механизм официальной идеологии с альтернативными исходами, анализирует взаимодействие официальной учительской парадигмы и антишкольной культуры и рассуждает об институциональном устройстве капиталистической системы.

При описании взаимодействия молодежной субкультуры с официальной парадигмой Уиллис оперирует понятиями *проникновения* (*penetration*) и *ограничения* (*limitation*). *Проникновение* — это обнаружение и критика подростками некоторых социальных транзакций и противоречий внутри образовательной системы. К этим замаскированным противоречиям относятся: несправедливость школьного обмена (абстрактных знаний на послушание), низкие шансы вертикальной мобильности и внутреннего удовлетворения в работе, различие между индивидуализмом и логикой группового, классового сознания¹⁸. В меритократической парадигме образования: учителя ориентируют школьников на индивидуальный успех, который действительно возможен для отдельно взятого человека. Однако для класса или группы такая мобильность невозможна. Уиллис считает, что, отклоняя идею индивидуального карьерного достижения, за которое надо платить послушанием и прилежанием, «парни» бессознательно отвергают индивидуализм и отстаивают классовую солидарность.

Еще одно важное «проникновение», на которое обращает внимание исследователь, заключается в невнимании молодежной субкультуры к различиям рабочих профессий. Он видит в этом «постижение» однородной природы физического труда, который измеряется стандартными минутами и часами и оплачивается повременно. Если специалистам среднего класса платят за использование их совокупного творческого потенциала, то рабочим — лишь за то, что они в течение некоторого времени выполняют определенные операции¹⁹. Демонстрируя равнодушие к выбору занятия, подростки постигают абстрактную сущность физического труда и специфику индустриального восприятия времени.

Ограничение субкультуры — это подавление ее «проникновений» официальной парадигмой, предотвращение их полного развития и политической артикуляции. Дети рабочих постигают репрессивную сущность школы. Однако они не в состоянии осудить образовательную и профессиональную дискриминацию, которой подвергаются. И уж тем более они не способны на политический протест. Уиллис считает, что в данном случае ограничение «проникновений» достигается за счет бинарных оппозиций, которые официальная парадигма успевает заложить в сознание подростков, а именно: разделение труда на умственный и физический, мужской и женский. Физический труд ассоциируется с мужской силой, умственный — с телесной хрупкостью, изнеженностью и, следовательно, с чем-то женственным. К умственной деятельности «парни» испытывают антипатию, так как видят, что занимающиеся ей конформисты вынуждены ограничивать свою активность, воздерживаться от агрессии, зависят от родителей в финансовом отношении — словом, ведут себя подобно девушкам. Соединение двух оппозиций — физического и умственного труда и гендерного разделения — осуществляется и в итоге наблюдений за патриархальным устройством собственной семьи, и в результате просмотра фильмов о карьере, где девушки всегда выполняют несложную, несерьезную работу, а мужчины бьются со стихией и подвергаются опасности. В глазах «парней» гендерное разделение труда выходит на первый план и «объясняет», почему они должны заниматься физической, ручной работой. Вариант отказа от труда как такового, то есть праздность, ими не рассматривается, так как ценностные послания семьи и школы убеждают в неизбежности труда.

---

¹⁸ Willis P. Op. cit. P. 126.

¹⁹ Ibid. P. 131–132.

По утверждению Уиллиса, стабильность капиталистической системы не в последнюю очередь основывается на том, что значительная часть рабочего класса использует перевернутую шкалу оценок физического и умственного труда, возвышая первый и отказывая последнему в привилегированном статусе. Если бы все подростки из рабочих семей решили, что выполнять интеллектуальную работу более почетно и выгодно, они кинулись бы занимать офисные вакансии, а заводы и фабрики лишились бы притока рабочей силы²⁰. Пока сохраняется слой людей, считающих физический труд достойным занятием, общество может быть относительно стабильным.

В течение последних 30 лет в развитых и развивающихся странах происходил мощный отток людей из промышленности и других отраслей в сферу услуг. Согласно концепции Уиллиса, это означает все большую эффективность официальной парадигмы, принятие ценностей индивидуального успеха и идеала умственного труда. Высшее образование все больше приобретает статус нормы, а физический труд оттесняется на периферию жизненных стандартов. Белое население Европы и Северной Америки все меньше готово им заниматься. Нехватка рабочих рук компенсировалась за счет миграции из бывших колоний. Так, в Великобританию приехало множество людей из Индии, Пакистана и Восточной Азии, в США — из Мексики, во Францию — из Алжира, и т.д. Все эти мигранты в первом поколении были заняты на самых неквалифицированных и низкооплачиваемых работах. В своем исследовании Уиллис косвенно затрагивает проблему расово-этнических рабочих субкультур. По его мнению, они встраивались в совокупную рабочую культуру, так как были сходны с ними в своем маскулинном понимании ручного труда и имели низкий (с официальной точки зрения) уровень притязаний. Белая субкультура реагировала на цветных чужаков стратификацией физического труда на «чистый», которым занималась она сама, и «грязный», который отдавался на откуп мигрантам²¹.

Известно, что эта схема расово-этнической стратификации оказалась эффективной для одного-двух поколений мигрантов. В процессе ассимиляции они проникались доминирующими ценностями и постепенно отказывались от физического труда. Отказ мог выражаться двумя способами: посредством вертикальной мобильности и путем выбора праздности и пособия по безработице.

В современной России наблюдаются тенденции, сходные с теми, которые предсказывал Уиллис. Собственно, рост популярности высшего образования, а вместе с ним и умственного труда, начался задолго до конца советской эпохи, а в послереформенное время значительно усилился. Массовые опросы фиксируют потребность в высшем образовании у подавляющего большинства старшеклассников²², и, судя по данным официальной статистики, это желание в основном удается воплотить в жизнь. Так, в течение последних 10 лет численность студентов увеличилась более чем в 2,5 раза, число ВУЗов — примерно в полтора раза²³. Общий уровень материальных и профессиональных притязаний молодежи существенно повысился по сравнению с серединой 80-х гг.²⁴. Престиж заводского труда, даже инженерного, весьма низок, и промышленные предприятия испытывают дефицит квалифицированных рабочих. В больших городах малоквалифицированную и низкооплачиваемую работу зачастую выполняют мигранты из ближнего зарубежья, и общество уже столкнулось с проблемой культурных различий (хотя в том числе благодаря им приезжие соглашаются трудиться в столь жестких условиях). По этим признакам ситуация в России сходна с положением западных стран, хотя и значительно менее обострена.

Совокупность перечисленных фактов можно было бы интерпретировать как размывание рабочей культуры, массовую переориентацию молодого поколения на ценности среднего класса. Однако, на наш взгляд, столь смелые выводы требуют эмпирического подкрепления в виде специальных культурологических исследований, сопряженных с изучением вертикальной мобильности. Изучение того, кем становятся неконформисты, и какое место в социальной иерархии занимают их «обычные» сверстники по вступлении во взрослую жизнь, может дать оценку того

---

²⁰ Willis P. Op. cit. P. 177.

²¹ Ibid. P. 152–154.

²² См., напр. Чередниченко Г. А. Личные планы выпускников средних учебных заведений (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2001. № 12. С. 105–115; Борисова Л.Г., Солодова Г.С., Фадеева О.П., Харченко И.И. Неформальный сектор: экономическое поведение детей и взрослых / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 58–60.

²³ Источник: Госкомстат. Высшие учебные заведения (на начало учебного года). Табл. 7.40. [http://www.gks.ru/free_doc/2005/b05_13/07-40.htm].

²⁴ Магун В.С., Энгватов М.В. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг // Поколенческий анализ современной России. Под ред. Т.Шанина и Ю.А.Левады. М., Издательство НЛЮ, 2004. С. 180–233.

вклада, который вносят молодежные субкультуры и официальная идеология в воспроизводство социальной структуры.